

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

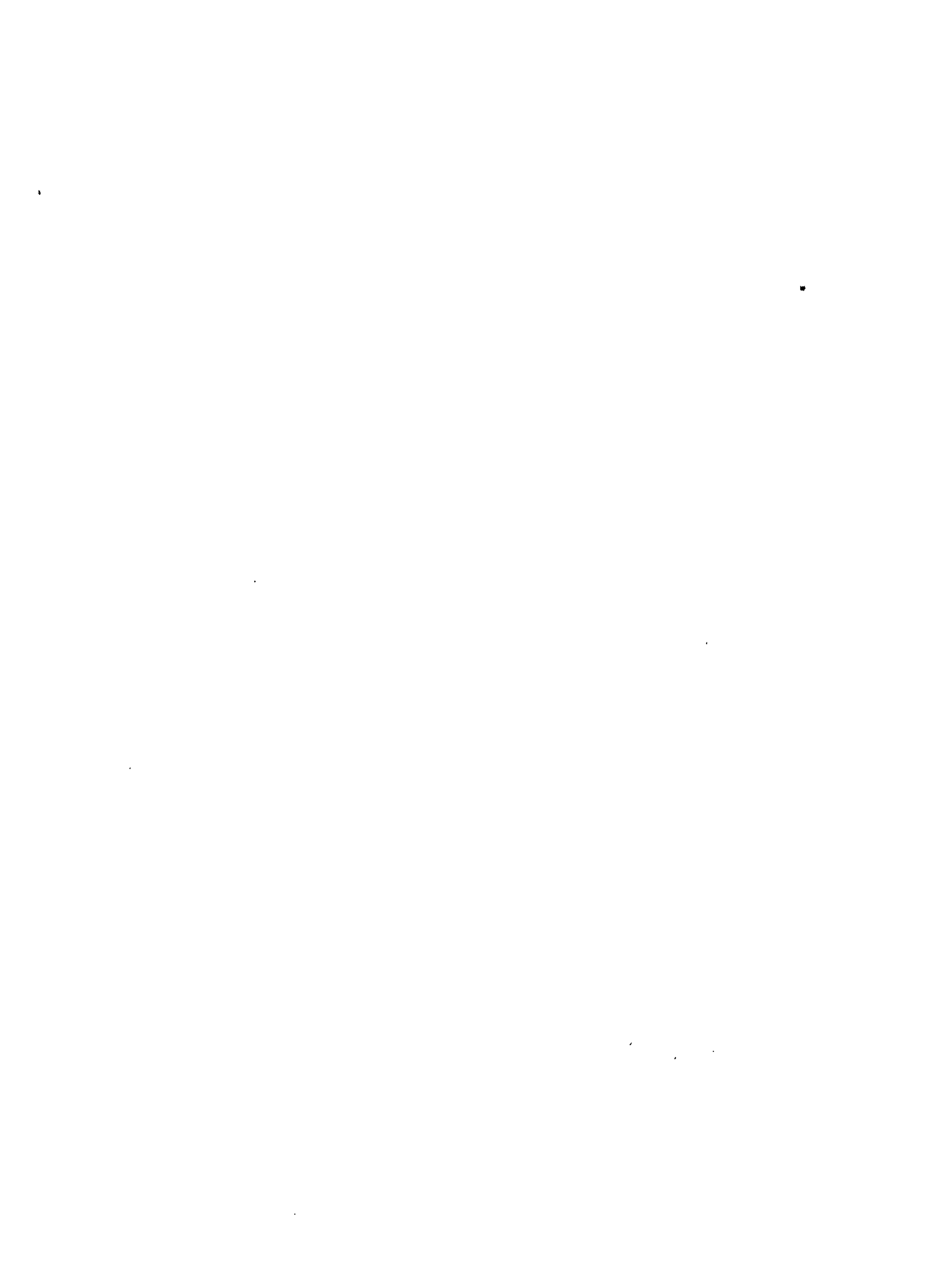
ИЗДАНЫЯ

А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1831.

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

ИЗДАНЫЯ

А. П.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой башюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охошникъ.

СКОТЯНИНЪ.

Мишрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЛЮЩАРА.

1831.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали къ оной присовокупить хотя крашкое жизнеописаніе покойнаго Авшора, и шѣмъ опчасши удовлетворить справедливому любопытству любительей опечесшвенной словесности. Для сего обратились было мы къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трафиминой, ближайшей родственницѣ и наследницѣ Ивана Пешрови-

ча Бѣлкина ; но къ сожалѣнію ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣщовала намъ опнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Пепровичу. Мы послѣдовали сему совѣшу, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоценный памятникъ благороднаго образаній и строгашельнаго дружества, а вмѣстѣ съ шѣмъ, какъ и весьма доспапочное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ** ** !

Почтеннѣйшее письмо ваше ошъ
15-го сего мѣсяца получить имѣлъ
я честь 23 сего же мѣсяца, въ ко-
емъ вы изъявляете мнѣ свое жела-
ніе имѣть подробное извѣстіе о вре-
мени рожденія и смерти, о службѣ,
о домашнихъ обшоятельстввахъ,
также и о занятіяхъ и нравѣ покой-
наго Ивана Петровича Бѣлкина, быв-
шаго моего искреннаго друга и со-
сѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ
моимъ удовольствіемъ исполняю сіе
ваше желаніе и препровождаю къ
вамъ, Милостивый Государь мой,
все, что изъ его разговоровъ, а так-

VIII

же изъ собственныхъ моихъ наблюдений запомнить могу.

Иванъ Пепровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Пепръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафимичевыхъ. Онъ былъ человекъ не богатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смеленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чшению и занятіямъ по части Русской

Словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ службу въ пѣхотной егерской полкъ (числомъ не упомяну), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ опекунство и прѣхать въ село Горюхино, свою опчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, введенный покойнымъ его родителемъ. Сѣнивъ исправнаго и распоряднаго старосту, коимъ крещъяне его (по

Ж

ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренностію искусствомъ рассказывать исторіи. Сія добрая, но глупая старуха не умѣла никогда различить двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ пошворествовалъ, плушя заодно, что Иванъ Пешровичъ принужденъ былъ опмѣнить барщину и учредить весьма умеренный оброкъ; но и плушъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпро-

сили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе болѣе двухъ прешей оброка плащили орѣхами, брусничкою и шому подобнымъ; и шущь были недомки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Пепровича, я почишалъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался воспановишь прежній, имъ утупщеннѣй, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, попребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плуша спаросшу, и въ присутствіи Ивана Пепровича занялся раземошрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала спалъ слѣдоващъ за мною со

ХІІ

всевозможнымъ вниманіемъ и прилѣжноспію ; но какъ по щепамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крещьянъ умножилось, число же дворовыхъ пшницъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Пепровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минушу, какъ я своими разысканіями и спрогими допросами плуша спаросшу въ крайнее замѣшательство привелъ, и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Пепровича крѣпко храпящаго на своемъ спулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я

вмѣшивался въ его хозѣйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и нагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека столь крошкатаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей онъ почти каждый день со мною

XIV

видѣлся, дорожа проспою моею бесѣдою, хоша ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ, мы большею частію другъ съ другомъ не сходспивовали.

Иванъ Пепровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишесствъ; никогда не случилось мнѣ видѣшь его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесаться можешъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонносшь, но стыдливосшь была въ немъ испинно дѣвическая (*).

(*) Слѣдуешъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ увѣремъ

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминаеть изволише, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находящяся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, какъ жется, первымъ его опытомъ. Онъ, какъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слы-

читаемыя, что онъ ничего предосудительнаго на мнѣ Ивана Петровича Бѣкина въ себѣ не заключаетъ.

XVI

шаны имъ ошъ разныхъ особъ (*).
Однакожь имена въ нихъ почти всѣ
вымышлены имъ самимъ, а названія
селъ и деревень заимствованы изъ
нашего околка, ошъ чего и моя
деревня гдѣ-то упомянута. Сіе про-
изошло не ошъ злаго какого либо на-
мѣренія, но единственно ошъ недо-
спашка воображенія.

(*) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи Г. Бѣлкина,
надъ каждой повѣстію рукою Автора написано:
слышаю мною ошъ *такой-то особы* (чипъ или
званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Вы-
писываемъ для любопытныхъ изыскателей: *Смо-
тритель* разсказащъ былъ ему Типулярнымъ Со-
вѣтникомъ А. Г. Н., *Выстрель* Подполковни-
комъ И. Л. П., *Гробовщикъ* прикащикомъ Б. В.,
Метель и Барышня двицею К. И. Т.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ просшудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя спаранія уѣзднаго нашего лѣкаря, чело-вѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и шому подобное. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волосы русые, носъ прямой; лицомъ былъ блѣденъ и худощавъ.

ХVІІІ

Вопрь, Милосшивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, заняпій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вснупить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч. »

1830 году Ноября 16.

Село Неварадово.

Починая долгомъ уважить волю почтеннаго друга Авшора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія, и надѣемся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

А. П.

ВЫСТРѢЛЬ.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Спирѣялись мы.

БАРАТЫНСКІЙ.

Я поклялся заспирѣить его по
праву дуэли
(За нимъ остался еще мой вы-
стрѣлъ).

Вечеръ на бивуакѣ.

Мы спояли въ мѣсечкѣ ***. Жизнь
армейскаго офицера извѣстна. Утромъ
ученье, манежъ; обѣдъ у Полковаго
Командира или въ Жидовскомъ прак-
тирѣ; вечеромъ пуншъ и каршы.
Въ *** не было ни одного опскрышаго

дома, ни одной невѣсшы; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человекъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его спарикомъ. Опышность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крупной нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже щасливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ опсшавку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и расщепельно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ,

въ изношенномъ черномъ серпукѣ, а держалъ открышый ешолъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ опышавнымъ солдатомъ, но Шампанское лилось пришомъ рѣкою. Никшо не зналъ ни его состоянiя, ни его доходовъ, и никшо не осмѣливался ошомъ его спрашивать. У него водились книги, большею часшiю военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ чишашъ, никогда не пребуя ихъ назадъ; за шо никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ заняшой. Главное упражненiе его состояло въ спрѣльбѣ изъ пистолепа. Спѣны его комваты были всѣ испочены пудами, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиныя. Богатое собранiе пистолеповъ было единспивенной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ

жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимоверно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставивъ ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человекъ десяти нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному; шо ешь очень много; послѣ обѣда спали мы уговаривашь хозяина промешашь намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать каршы, высыпалъ на столъ полсоши червонцевъ и сѣлъ мешашь. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если повшѣру случалось общишашься, шо онъ потчасъ или доплачивалъ доспальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ эшо знали и не мѣшали ему хозяйничашь посвоему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя шущъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголь. Сильвіо взялъ

мѣлъ и уравнилъ счещъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ мешать. Офицеръ, пошерявъ шерпѣніе, взялъ щепку и сперъ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандаль, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо вспалъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: « милосивый государь, извольте вышши и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ. »

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагали новаго товарища уже

убишымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду гошовъ опшвѣчай, какъ будетъ угодно господину банкомешу. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы опстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему пошъ же вопросъ. Онъ опшвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ сще никакого извѣсшя. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на нулю въ шуза, приклееннаго къ воропамъ. Онъ принялъ насъ пообыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Пору-

чикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будешь драшься? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Эпо-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недоспашокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, копорые въ храброспи обыкновенно видяшъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему пріближиться. Имѣя опть природы романтическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человеку; коего жизнь была загадкою, и копорый казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ

любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оспавлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ просподушіемъ и необыкновенною пріяшностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что Chesъ его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣсно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣнить и не угадывать по тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣнилъ два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо опъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ,

и прежніе опкровенные разговоры ваши прекрашились.

Разсѣянные жищели сщолицы не имѣють поняшїа о многихъ впечатлѣнїяхъ споль извѣстныхъ жищеламъ деревень или городковъ, напрымѣръ, объ ожиданїи почтоваго дня: во вщорникъ и пяшницу полковая наша канцелярїа была полна офицерами; кшо ждалъ денегъ, кшо письма, кшо газетъ. Пакеты обыкновенно шуптъ же распечашывались, новости сообщались, и канцелярїа представляла каршину самую оживленную. Снльвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно шуптъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ кошораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго неперпѣнїя. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣшили.

«Господа, сказалъ имъ Сильвіо, общошпельства шребуюшъ немедленнаго моего опсушпельвїа; ѳду сегодня въ ночь; надѳуюсь, что вы не откажетесь опобѳдать у меня въ послѳднїй разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обрашпельвшись ко мнѳ, жду непременно.» Съ сїмъ словомъ онъ поспѳшно вышелъ; а мы согласясь соединїться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оспавались одни голыя, проспѳрѳленные стѳны. Мы сѳли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѳ, и скоро веселоснѳ его содѳлалась общею; пробки хлопали поминутно, спаканы пѳнились и шипѳли безпреспанно, и мы со всевозможнымъ усердїемъ желали опъ-

уважающему доброго души и всякаго блага. Вспали изъ за спола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ Сильвіо со всѣми прощался, взялъ меня за руку и ошановилъ въ шу самую минушу, какъ собирался я выйши. «Мнѣ нужно съ вами погово- рить,» сказалъ онъ тихо. Я оспался.

Госпи ушли; мы оспались вдво- емъ, съди другъ прошиву друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и гу- спной дымъ, выходящій изо рпу, при- давали ему видъ насполщаго дьявола. Прошло нѣсколько минушъ, и Силь- віо прервалъ молчаніе. «Можетъ быть, мы пикогда больше не увидимся,» ска- залъ онъ мнѣ;» передъ разлукой я хопылъ съ вами объяснишься. Вы могли замѣшишь, что я мало уважаю

посстороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы тяжко оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.»

Онъ остановился и спалъ набивашъ выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, пошупя глаза.

« Вамъ было странно, продолжалъ онъ, что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а мол почти безопасна: я могъ бы приписать умеренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказашъ Р***, не подвергалъ вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его.»

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ.

«Такъ точно: я не имѣю права подвергашь себя смерти. Шестнадцать летъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое сильно было возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обеспоятельства вѣрно васъ разлучили?»

.. «Я съ нимъ дрался,» опивчалъ Сильвіо, «и вошлъ памятникъ нашего поединка.»

Сильвіо вспалъ и вынулъ изъ кармана красную шапку съ золотою кистью съ галуномъ (по, что Французъ называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ око лба.

«Вы знаете», продолжалъ Сильвіо, «что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ спрашю. Въ наше время буйство было

въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б***, воспѣшаго Д. Д.—мъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминущею: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминущею смѣняемые; смотрѣли на меня; какъ на необходимое зло.

Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человекъ богатою и знамною фамиліи (не хочу называть его). Опроду не встрѣчалъ щасливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную; храбрость самую безпечную; громкое имя, деньги, кошорымъ не зналъ онъ счѣта и кошорыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ,

какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвѣсти между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ спалъ-было искашь моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное опчачаніе. Я спалъ искашь съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, копорыя всегда казались мнѣ неожиданныѣе и острѣе моихъ, и копорыя конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и

далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ разшацили, и въ шу же ночь поѣхали мы драгься.

Это было на разсвѣтѣ. Я споялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими премо секунданшами. Съ неизъяснимымъ нешерпѣнїемъ ожидалъ я моего прошивника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданшѣ опмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому: но волненїе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки, и чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ;

прошивникъ мой не соглашался. Поможили бросить жребій: первый Но достался ему, вѣчному любимцу щаспїя. Онъ прицѣдился и простирѣдиль мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну шѣнь безпокойсїва. Онъ стоялъ подъ исполошомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни, и выплевывая косточки, кошорыя додепали до меня. Его равнодушїе взбѣсило меня. Что пользы мнѣ, подумалъ я, лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная мысль мелькнула въ умъ моемъ. Я опуспиль исполешъ. Вамъ кажется шеперь не до смерти, сказалъ я ему, вы извольте завпракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать. Вы ни чуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ, извольте

себѣ спрѣляшь, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выспрѣль вашъ осщается за вами; я всегда гошовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче спрѣляшь не намѣренъ, и поединокъ шѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ ошсшавку и удалился въ это мѣспечко. Съ шѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чшобъ я не думалъ о мщениіи. Нынѣ часъ мой насталь »

Сильвіо вынулъ изъ кармана ушпромъ полученное письмо, и далъ мвѣ его читашь. Кто-шо (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, чшо *извѣстная особа* скоро должна вступишь въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо, кто эша *извѣстная особа*. Буду въ Москву. Посмотримъ, шакъ ли

равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!»

При сихъ словахъ Сильвіо вспалъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и спалъ ходить взадъ и впередъ по комнати, какъ шигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолями, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переспавалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще допыхивалъ я время, шолкуя со спароспой, разъѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вышвержены мною наизусть. Всѣ сказки,

которыя только могла запомнить
кляшница Кириловна, были мнѣ пе-
ресказаны; пѣсни бабъ наводили на
меня шоску. Принялся я было за
неподслащенную наливку, но опѣ-
нее болѣла у меня голова; да призна-
юсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею*
съ горя, т. е. самымъ *горькимъ* пѣ-
ницею, чему примѣровъ множеству
видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Ближихъ сосѣдовъ около меня не
было, кромѣ двухъ или трехъ *горь-*
кихъ, конхъ бесѣда состояла большею
частью въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уе-
диненіе было сносно. Наконецъ рѣ-
шился я ложиться спать какъ можно
ранѣе, а обѣдать какъ можно позже;
такимъ образомъ украсилъ я вечеръ
и прибавилъ долгошы дней, и обре-
токъ, яко се добро естъ.

Въ чешырехъ верстахъ отъ меня
находилось богатое помѣстье, при-

надлежащее Графинъ Б** ; но въ немъ жилъ только управитель, а Графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во вѣсну моего затворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ придетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое Воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ

обѣда въ село *** рекомендоваться Ихъ Сіяшельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богашества, я оробѣлъ и ждалъ Графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ просишель изъ провинціи ждетъ выхода Министра. Двери отворились, и вошелъ мужчина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюб-

нымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы съли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застенчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобы дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, сѣли говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ соседомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сѣлъ ходить назадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ

картинахъ я не знашокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была протрѣлена двумя пулями, всажеными одна на другую. «Вошь хорошій выстрѣлъ» сказалъ я, обращаясь къ Графу. — «Да, ошвѣчалъ онъ, выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно,» ошвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ каршу не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ. — «Право?» сказала Графиня съ видомъ большой внимательности; «а ты, мой другъ, попадешь ли въ каршу на тридцати шагахъ?» Когда нибудь, ошвѣчалъ Графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вошь уже

четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.» — «О, замѣшилъ я, въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что Ваше Сіяшество не попадете въ каршу и въ двадцати шагахъ: пистолетъ пребудетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытъ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же бы вы думали, Ваше Сіяшество? Въ первый разъ, какъ спалъ потомъ стрѣлялъ, я далъ сразу четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Роммиспръ, острякъ, забавникъ; онъ шутъ случился и сказалъ мнѣ: знаешь у себя, братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, Ваше Сіяшество, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не

то опшвыкнешь какъ разъ. Лучшій спрѣлокъ, кошораго удалось мнѣ встрѣчать, спрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ при раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки. «Графъ и Графиня рады были, что я разговорился. «А каково спрѣлялъ онъ?» спросилъ меня Графъ. «Да вошь какъ, Ваше Сіяшельство: бывало увидишь онъ, сѣла на спѣну муха: вы смѣшесь, Графиня? Ей Богу, правда. Бывало, увидишь муху и кричишь: Кузька, писшолешъ! Кузька и несетъ ему заряженный писшолешъ. Онъ хлопъ, и вдавишь муху въ спѣну! «Это удивительно!» сказалъ Графъ; «а какъ его звали?» «Сильвіо, Ваше Сіяшельство.» «Сильвіо!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣста; «вы знали Сильвіо?» Какъ не знать, Ваше Сіяшельство; мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку при-

нѣшъ былъ, какъ свой братъ товарищъ ; да вошъ ужъ лѣшъ пѣшъ, какъ обѣ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и Ваше Сіятельство спало бышъ знали его?» — «Зналь, очень зналь. Не рассказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія? «Не пощечина ли, Ваше Сіятельство, полученная имъ на балѣ ошъ какого-то повѣсы?» А сказывалъ онъ вамъ имя эшаго повѣсы?» Нѣшъ, Ваше Сіятельство, не сказывалъ... Ахъ! Ваше Сіятельство, продолжалъ я, догадывался обѣ испанѣ, извинице... я не зналь... ужъ не вы ли?»... «Я самъ, ошвѣчалъ Графъ, съ видомъ чрезвычайно распроеннымъ, а проспрѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей вспрѣчи».. «Ахъ, милый мой, сказала Графиня, ради Бога не рассказывай; мнѣ спрашно будетъ слушать.» «Нѣшъ, возразилъ Графъ, я все расскажу; онъ знаешъ,

какъ я обидѣлъ его друга: пусть же узнаешь, какъ Сильвіо мнѣ ошомшилъ.» — Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій рассказъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаій.

Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. На дворѣ увидѣлъ я дорожную шелегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человекъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату, и увидѣлъ въ темнотѣ

человѣка запыленного и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камня. Я подошелъ къ нему, спараясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, Графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ точно, продолжалъ онъ, высрѣлъ за мною; я прѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты? Пистолетъ у него шорчалъ изъ боковаго кармана. Я опмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и спалъ палецъ въ углу, прося его высрѣлишь скорѣе, пока жена не ворошилась. Онъ медлялъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его высрѣлишь. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная

прошла минуша! Сильвіо опуспилъ руку. Жалѣю, сказалъ онъ, что пистолешъ заряденъ не черешневыми косшочками... пуля шяжела. Мнѣ все кажешся, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлишь въ безоруженнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому спрѣляшь первому. Голова моя шла кругомъ.... Кажешся, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще пистолешъ; свернули два билеша; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною проспрѣленную; я вынулъ опять первый номеръ. Ты, Графъ, дьявольски щасливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, кошорой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить,..... но — я выспрѣлялъ, и попалъ вошь въ эту каршину. (Графъ указывалъ пальцемъ на про-

спрѣленную каршину; лице его горѣло какъ огонь; Графиня была блѣднѣе своего плашка: я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

Я высрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо (въ эту минушу онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо спалъ въ меня прицѣливаясь. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присущствіе возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шумимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я предскажу тебѣ спариннаго друга и товарища. Маша все еще не вѣрилось. Скажише, правду ли мужъ говоритъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шумите? Онъ всегда шумитъ,

Графиня, ошвѣчалъ ей Сильвіо; однажды далъ онъ мнѣ шушя пощечину, шушя проспрѣлялъ мнѣ вошь эшу фуражку, шушя далъ сей часъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошущипть Съ эшимъ словомъ онъ хоцѣлъ въ меня прицѣлиться . . . при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Встань, Маша, спыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, переспанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы спрѣлять или нѣтъ? Не буду, ошвѣчалъ Сильвіо, я доволенъ: я видѣлъ швое смященіе, швою робосшь; я заспавилъ шебя выспрѣлялъ по мнѣ, съ меня довольно. Будешь меня помнишь. Предаю шебя швоей совѣспи. Тушъ онъ было вышелъ, но оспановился въ дверяхъ, оглянулся на проспрѣленную мною каршину, выспрѣлялъ въ нее почти

не цѣлясь, и скрѣлся. Жена лежала въ обморокъ; люди не смѣли его остано­вить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, клекнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипси­ланши, предводительствовалъ опря­домъ Эшерисцовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

М Е Т Е Л Ь.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграмъ ;
Топчуть снѣгъ глубокой
Вотъ, въ спорокѣ Божій храмъ
Видѣиъ одинокой.

.
Вдругъ метелица кругомъ ;
Снѣгъ валяиъ клоками ;
Черный вранъ, свисая крыломъ,
Вьется надъ санями ;
Въщій спонъ гласиъ печаль!
Кони торопливы
Чудко смотряиъ въ темну даль,
Воздымая гривы

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ
доспомяшную, жилъ въ своемъ по-

мѣспѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ славился во всемъ округѣ гостепрїимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминушно ѣздили къ нему поѣспѣ, пощипѣ, поиграипѣ съ его женою, Прасковѣей Пешровною, по пшши копѣекъ въ босшонѣ, а нѣкопорыѣ для того, чшобѣ поглядѣпѣ на дочку ихѣ, Марью Гавриловну, спройную, блѣдную и семнадцашилѣпную дѣвицу. Она считалась богатой невѣсшою, и многіѣ прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихѣ романахѣ, и слѣспвенно была влюблена. Предметѣ, избранный ею, былѣ блѣдный армейскій Прапорщикѣ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себя разумѣется, чшо молодой человекѣ пылалѣ равною спрасшїю, и

что родители его любезной, замѣшивъ ихъ взаимную склонность, запрѣтили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели ошшавнаго заждашеля.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой рошѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣшовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая шакимъ образомъ, они (что весьма естественнo) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта щасливая мысль пришла сперва въ

**

голову молодому человѣку, и что она весьма поправилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наспунила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась шѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываясь нѣсколько времени, броситься попомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ пронупы наконецъ героическимъ поступкомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непременно: Дѣти! придше въ наши объшя.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было опровергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинашь, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ

онѣ должны были вѣдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найши гошовыя сани, садисься въ нихъ и ѣхать за 5 верстѣ опѣ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужѣ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ шогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой прѣсупокъ неодолимою силою спраси, и оканчивала шѣмъ, что блаженнѣйшею минушою жизни почтешъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печатью

кой, на кошорой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на поспешь передь самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и шупь ужасныя мечпанія поминушно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минушу, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать въичаться, отецъ ея оспанавливалъ ее, съ мучительной быспрошой пащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье и она лешъла спремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; по видѣла она Владиміра, лежащаго на правѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣчаться другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передь нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ

непришворной головою болью. Отецъ и мать замѣнили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливостъ и безпрестанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день среди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она всlainъ просталась со всѣми особами, со всѣми предметами, ея окружающими. Поданъ ужинать; сердце ея сильно забилося. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала простаться съ отцемъ и матерью. Они ее поцаловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она бинулась въ кресла и залилась слезами.

Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь На дворъ была метель; вѣтеръ вылъ, снѣжки шряслися и сшучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домъ все утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надѣла тепльй капюгъ, взяла въ руки кашку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихла; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто слясь остановить молодую пресупницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не спояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра разкаживалъ передъ оглоблями, удерж-

живая решивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкапулку, взялъ возжи, и лошади подешѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; попомъ поѣхалъ искашь свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, опсшавной сорокалѣтній Корнешъ Дравинъ, согласился съ охошою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра опшанься у него опобѣдашь, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станешъ. Въ самомъ дѣлѣ, потчасъ послѣ обѣда

явились землемѣръ Шмицъ въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капишанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ Уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ гошовности жертвовать для него жизнью. Владиміръ обнялъ ихъ съ восшоргомъ, и поѣхалъ домой приговляясь.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣперъ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не увидѣлъ. Въ одну минушу дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мушной и желтоватой, сквозь копорую лепѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хошѣлъ снова попастьъ на дорогу; лошадь спущала наудачу и поминутно то взѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались; Владиміръ старался только не потерять наснойщаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадриивской роши. Прошло еще около десяти минутъ; роши все было не видно. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель

не упихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала усшаивать, а съ него пошъ кашился градомъ, не смолря на шо, что онъ поминушно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ шу сторону. Владиміръ остано- новился: началъ думать, припоми- нать, соображать, и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть сшупала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было бышь недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминушно сани опроки- дывались, поминушно онъ ихъ подни- малъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоиться.

Наконецъ въ споронѣ что-то спало чернѣшь. Владиміръ поворо- шилъ шуда. Приближаясь, увидѣлъ

онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь шопчасъ попасшь на знакомую дорогу или объѣхашъ рощу кругомъ: Жадрино находилось шопчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Въперъ не могъ шупъ свирѣпспвовашъ; дорога была гладкая; лошадь ободрилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видашь; рощъ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Ошчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро спало приспавашъ и черезъ четвершь часа пошло шагомъ, не смолпя на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать: Должно было бытъ около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, тучи разошлись, передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ чепырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и спалъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный спавень поднялся и шарикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верстъ десятокъ будетъ.» При семъ ошвѣщъ Владиміръ схватилъ себя за

волосы и оспался недвижимъ, какъ человекъ, приговоренный къ смерти.

«А ошколъ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа ошвѣчашь на вопросы. «Можешь ли ты, старикъ, сказать онъ, достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Какі у насъ лошади,» ошвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взять хопъ проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно.» — «Поспой, сказалъ старикъ, опуская спавень, я те сына вышлю; онъ те проводишь.» Владиміръ спалъ дожидаться. Не прошло минушы, онъ опяшь началъ спучаться. Спавень поднялся, борода показалаь. «Что те надо?» — «Что жъ швой сынъ?» — «Сей часъ выдепъ, обуваешся. Али ты прозябъ? взойди погрѣшься» — «Благодарю, высылай скорѣ сына.»

Вороша заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною, и пошелъ впередъ, шо

указывая, по опыскивая дорогу, занесенную свѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. «Да ужъ скоро разсвѣнешъ,» отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣпухи и было уже свѣшло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплашилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворъ шройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ Ненаеровскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакъ и байковой куршкѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокъ на вась. Подали самоваръ, и Гаврила

Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать ошъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка ворошилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваясь съ папенькой и съ маменькой.

«Что швоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька,» отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла,» сказала Прасковья Петровна. — «Можешъ бышь, маменька,» отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣд-

ная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никицо въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, описавной корнетъ, усаспый землемѣръ и миленькой Уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ шайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марія Гавриловна сама, въ безпрестаниомъ бреду, высказывала свою шайну. Однакожь ея слова были сплошь несообразны ни съ чѣмъ, чшо мать, не отходявшая отъ нея посщели, могла поняшь изъ нихъ только то, чшо дочь ея была смертельно вълюблена во Владиміра Ни-

колаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣщовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкошорыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно шакова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не обѣдешъ, что бѣдносшь не порокъ, что жищъ не съ богатствомъ, а съ человекомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бывающъ удивительно полезны въ шѣхъ случаяхъ, когда мы опъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между шѣмъ барышня спала выздоравливашъ. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявишь ему неожиданное щастіе : согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненарадовскихъ помѣ-

щиковъ, когда въ опившъ на ихъ приглашеніе получили они опъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домъ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть оспаешся единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ опличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялась, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее постигла: Гаврила Гавриловичъ скончался, оспа-

ва ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ея; она раздѣляла искренно горестъ бѣдной Праксѣи Пешеровны, клялась никогда съ нею не разсваваться; объ онѣ оставили Неварадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и шупь около милой и богашой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Маша иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онѣ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ всшупленія Французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имѣ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ношы и стихи, имѣ переписанные

для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея посшоянству и съ любовьюшествомъ ожидали Героя, долженствовавшаго наконецъ воспоржествовать надъ печальной вѣрностью эшой дѣвственной Артемизы.

Между шѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: *Vive Henri-Quatre*, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жюконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти опроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣщенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восшорга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Опечество! Какъ сладки были

слезы свиданія! Съ какимъ единодушiемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, кака была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Воспоргъ ихъ былъ испинно упоишеленъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онъ: *ура!*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кшо изъ тогдашнихъ Офицеровъ не сознается, что Русской женщиной обязанъ онъ былъ лучшей, драгоценнѣйшей наградой? . . .

Въ эшо блистательное время Марья Гавриловна жила съ машерью въ*** Губернiи, и не видала, какъ объ столицы праздновали возвращенiе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общiй воспоргъ, можешъ бышь, былъ еще сильнѣе. Появленiе въ

сихъ мѣсцахъ офицера было для него настоящимъ поржествомъ, и любовнику во фракъ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искашелями. Но все должны были опсшупишь, когда явился въ ея замкъ раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ *интересной блѣдностію*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ оппускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его опличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чшобъ она съ нимъ ко-

кешничала ; но Поэшь , замѣшя ея поведеніе , сказалъ бы :

Se amor non è, che dunque?...

Бурминъ былъ , въ самомъ дѣлѣ , очень милый молодой человекъ. Онъ имѣлъ именно шопъ умъ , кошорый нравишся женщинамъ : умъ приличія и наблюденія , безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно ; но чшобъ она ни сказала или ни сдѣлала , душа и взоры его шакъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава шихаго и скромнаго , но молва увѣрjala , чшо нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою , и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны , кошорая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости , обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого Гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она опличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыжала его признанія? Что удерживало его? робость, неразлучная съ истинною любовію, гордость или кокетство хищраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію, и смолпя по об-

спояшельствамъ , даже нѣжностію. Она пріугошовляла развязку самую неожиданную и съ неперпѣніемъ ожидала минушы романческаго объясненія. Тайна , какого роду ни была бы , всегда шягосшна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ : по крайней мѣрѣ , Бурминъ впалъ въ шакую задумчивосшь , и черныя глаза его съ шакимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ , что рѣшишельная минуша , казалось , уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ , какъ о дѣлѣ уже конченномъ , а добрая Прасковья Пешровна радовалась , что дочь ея наконецъ нашла себѣ досшойнаго жениха.

Сшарушка сидѣла однажды одна въ госшиной , раскладывая грань-пасьянсъ , какъ Бурминъ вошелъ въ комнапу и шощасъ освѣдомился о Ма-

рьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду, ошвѣчала спарушка; подише къ ней а я васъ буду здѣсь ожидать.» Бурминъ пошелъ, а спарушка перекрестилась и подумала: авось дѣло сего дня же кончится!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подѣ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ плашѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно переспала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открытъ сѣ свое сердце, и попребовавъ минушы вниманія. Марья Гаври-

ловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

« Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ, я васъ люблю спрасшно. . . . » (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). « Я поступилъ неосщорожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно. . . . » (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.) « Теперь уже поздно прошивишься судьбѣ моей; воспоминаше объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, опнынъ будещъ мученіемъ и опрадою жизни моей; но мнѣ еще осщася исполнить сяжелую обязанность, опкрышь вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую претраду. . . . » — « Она всегда существовала, прервала съ живоспію Марья Гавриловна, я никогда не могла бытъ вашею женою. . . . » — « Знаю,

отвѣчалъ онъ ей тихо, знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сѣпованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не сшарайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастье, если бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня.» — «Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе... я женащъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женащъ, продолжалъ Бурминъ; я женащъ уже четвершой годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите?» воскликнула Марья Гавриловна; «какъ это спра-

но! Продолжайте; я расскажу послѣ...
но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Прїѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ-было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смогришель и ямщики совѣщовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но невольное безпокойство овладѣло мною; казалось, что-то меня шакъ и шолкалъ. Между шѣмъ метель не унималась; я не вышерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь шремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очуши-

лись мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихла; я увидѣлъ огонекъ, и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была опворена, за оградой стояло нѣсколько саней; по паперши ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то; «невѣста въ обморокъ; попъ не знаетъ, что дѣлать; мы гошovy были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая шерла ей виски. «Слава Богу, сказала эта, насиду вы пріѣхали. Чуть-было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко

мнѣ съ вопросомъ: « Прикажете начинать ? » — « Начинайше, начинайше, башюшка, » отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна. . . . Непонятная, непроспишительная въпреносѣ. . . . я спалъ подлѣ нея передъ налогомъ; священникъ шоропился; трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Настъ обвинчали. « Поцалуйшесь, » сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хотѣлъ было ее поцаловать . . . Она вскрикнула: « Ай, не онъ! не онъ! » и упала безъ памяти. Свидѣтели усладили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препяшества, бросился въ кибитку и закричалъ: пошелъ!

« Боже мой! » закричала Марья Гавриловна; « и вы не знаете, что сдѣлалось съ блѣдною вашею женою ? »

« Не знаю, отъвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовуть деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ пресупной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ, и проснулся на другой день поутру, на прѣпъей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшумилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко опомщена. »

« Боже мой, Боже мой! » сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; « такъ это были вы! И вы не узнаете меня? »

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

ГРОБОВЩИКЪ.

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Съдннъ дряхлющей вселенной?

Державинъ

Последніе пожилки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и шощая пара въ четвертый разъ пошацилась съ Басманной на Никипскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ ворошамъ объявленіе о томъ, что

*

домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желшому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переспувивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ сумашоу, онъ вздохнулъ о вѣпхой лачужкѣ, гдѣ въ печеніи осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; спалъ бранишь обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ успановился; кивонъ съ образами, шкапъ съ посудою, споль, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухню и гостинной помѣстились издѣлія хо-

зяина : гробы всѣхъ цвѣшовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ праурными шляпами, маншіями и факелами. Надъ воропами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью : «здѣсь продаются и обитаются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старые.» Дѣвушки ушли въ свою свѣшлицу, Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ гоповишъ самоваръ.

Просвѣщенный чипателъ вѣдаешъ, что Шекспиръ и Вальшеръ Скопшгъ оба предспавили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шумливыми, дабы сей прошивоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ испинѣ мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру, и принуждены признашся, что нравъ

нашего гробовщика совершенно соопш-
вѣщсшвовалъ мрачному его ремеслу.
Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ
угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ
молчаніе развѣ только для того,
чтобъ журишь своихъ дочерей, ко-
гда заспавалъ ихъ безъ дѣла глазѣю-
щихъ въ окно на прохожихъ, или
чтобъ запрашивать за свои произве-
денія преувеличенную цѣну у тѣхъ,
кошорые имѣли нещаспіе (а иногда
и удовольствіе) въ нихъ нуждашьяся.
И такъ Адріанъ, сидя подъ окномъ,
и выпивая седьмую чашку чаю, по
своему обыкновенію былъ погруженъ
въ печальныя размышленія. Онъ ду-
малъ о проливномъ дождѣ, кошорый,
за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ
у самой заспавы похороны опсшав-
наго Бригадира. Многія манші отъ
того съузились, многія шляпы по-
коробились. Онъ предвидѣлъ неми-

нуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣсшить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наследники, не смотря на свое общаніе, не погнѣвились посласть за нимъ въ такую даль и не спорговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно према фран-масонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человекъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любез-

ный сосѣдъ,» сказалъ онъ шѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, кошорое мы безъ смѣха донынѣ слышашь не можемъ, «извинише, что я вамъ помѣшалъ.... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Гош-либъ Шульцъ, и живу ошъ васъ черезъ улицу, въ эшомъ домикѣ, что прошивъ вашихъ окошекъ. Завштра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ ош-обѣдашь у меня попріяшельски.» Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушашь чашку чаю, и благодаря ошкрытому нраву Гош-либа Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуешь ваша милосшь?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе,» ошвѣчалъ Шульцъ, «и шакъ и сякъ. Пожаловашься не могу. Хошъ конечно мой шоваръ не шо,

что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живешь.» — « Сущая правда, » замѣтилъ Адрианъ; «однако жъ, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходишь онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ всшалъ и просился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калишки новокупленного дома, и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни Русскаго кафшана Адриана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акюлины и Дарьи, описуя въ семъ случаѣ ошъ обычая, принятаго нынѣшними Романистами. Полагаю, однакожъ,

не излишнимъ замѣшить, что объ дѣвицы надѣли желшья шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена госшями, большею часшю Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою, какъ почшаліонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желшю будку. Но потчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками До-

рическаго ордена, и Юрко спалъ
опяшь расхаживать около нея съ стѣ-
кирой и въ бронею сермяжной. Онъ
былъ знакомъ большей части Нѣм-
цевъ, живущихъ около Никипскихъ
воропъ: инымъ изъ нихъ случалось
даже ночевать у Юрки съ Воскресе-
нья на Понедѣльникъ. Адрианъ пош-
часъ познакомился съ нимъ, какъ
съ человѣкомъ, въ которомъ рано
или поздно можешь случиться
имѣшь нужду, и какъ гости пошли
за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Го-
сподинъ и Госпожа Шульцъ и дочка
ихъ, семнадцати-лѣшняя Лопихенъ,
обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, уго-
щали и помогали кухаркѣ служить.
Пиво лилось. Юрко былъ зачепве-
рыхъ; Адрианъ ему не успуналъ; до-
чери его чинились; разговоръ на Нѣ-
мецкомъ языкѣ часъ опъ часу дѣлал-
ся шумнѣе. Вдругъ хозяинъ попре-

бовалъ вниманія, и опшкупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ порусски: «За здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловалъ свѣжее лице сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. «За здоровье любимыхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, опшкупоривая вшорую бутылку — и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ: пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины Германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ вообще и каждаго въ особености, пили здоровье масперовъ и подмасперевъ. Адрианъ пилъ съ усердіемъ, и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шушливый

шосшъ. Вдругъ одинъ изъ госпей, толстой булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье шѣхъ, на кошорыхъ мы работаемъ, *infeser Kundleute!*» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Госпи начали другъ другу кланяться, поршней сапожнику, сапожникъ поршнему, булочникъ имъ обомъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обращаясь къ своему сосѣду: «Чшо же? пей, башюшка, за здоровье своихъ мертвецевъ.» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣшилъ, госпи продолжали пишь, и уже благовѣспили къ вечернѣ, когда вспали изъ за стола.

Госпи разошлись поздно, и по большей части навеселѣ. Толстой

булочникъ и переплетчикъ, коего лице казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подруки опевели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семь случаѣ, Русскую пословицу: долгъ плашежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, рассуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечеснѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ брашъ палачу? чему смѣюшся басурмане? развѣ гробовщикъ газръ свяшочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задашь имъ пиръ горой; инъ не бывашъ же шому! А созову я тѣхъ, на кошорыхъ работаю: мертвецевъ православныхъ.» — «Что ты, башюшка?» сказала работница, кошорая въ это время разувала его; «что ты это городишь? Перекрестись! Созывашъ мертвыхъ на новоселье! Экая

спрасшь ! » — « Ей Богу, созову, » продолжалъ Адріанъ, « и на завтрашній же день. Милосши просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попировать; угощу, чѣмъ Богъ послалъ. » Съ-эшимъ словомъ гробовщикъ опсправился на кровати и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще шемно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, опъ ея прикащика, прискакалъ къ Адріану верхомъ съ эшимъ извѣспіемъ. Гробовщикъ далъ ему за шо гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извозчика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція, и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мертвое шѣло. Покойница лежала на шполѣ; желтая какъ воскъ, но еще не обезображенная шлѣніемъ. Около нея шѣ-

свилисьь родственники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. Адрианъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сершукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разѣзжалъ съ Разгуляя къ Никипскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, опустивъ своего извозчика. Ночь была

лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никишскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адрианъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирался войти, но увидя бѣгущаго хозяина, остановился, и снялъ треугольную шляпу. Адриану лице его показалось знакомо, но въ воротахъ не

успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. « Вы пожаловали ко мнѣ, » сказалъ запыхавшись Адрианъ; « войдите же, сдѣлайте милость. » — « Не церемонься, башюшка, » ошвѣчалъ шопъ глухо; « спупай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу! » Адриану и некогда было церемониться. Калишка была опперша, онъ пошелъ на лѣспницу, и шопъ за нимъ. Адриану показалось, что по комнатамъ его ходяшь люди. « Что за дьявольщина! » подумалъ онъ, и спѣшилъ войти. . . . шупъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желшья и синія лица, ввалившіеся ршы, мушныя, полузакрышыя глаза и высунувшіеся носы. . . . Адрианъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ,

Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣщаніями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, которъй, совѣсшаясь и стыдясь своего рублища, не приближался, и споялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и ленсахъ, мершвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небришыми, купцы въ праздничныхъ кафшанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ,» сказалъ Бригадиръ ошъ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на швое приглашеніе; оспались дома только шѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого оспались однѣ кости безъ кожи, но и шущь одинъ не ушерпѣлъ — шакъ хотѣлось ему побы-

вашь у себя. . . .» Въ эпю минушу, маленькой скелешъ продрался сквозь толпу, и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщичу. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и вепхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шешѣ, а кости ногъ бились въ большихъ башфорсахъ, какъ песники въ шупахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,» сказалъ скелешъ. «Помнишь ли ошесавнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, кошорому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мершвецъ простеръ ему косяныя обьящія — но Адріанъ, собравшись съ силами, закричалъ, и ошпюкнулъ его. Пешръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мершвецами поднялся

ропотъ негодованія; всѣ всступились за честь своего товарища, приспали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на колени опешавшаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало поспелю, на кошорой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адрианъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чшобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.

« Какъ ты заспался, бабюшка, Адрианъ Прохоровичъ, » сказала Аксинья, подавая ему халапъ. « Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ поршней, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня Часшній именинникъ, да ты изволилъ почивашь, и мы не хотѣли тебя разбудить. »

— « А приходили ко мнѣ опъ покойницы Трюхиной ? »

« Покойницы ? Да развѣ она умерла ? »

— « Эка дура ! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживашь ея похороны ? »

« Что ты, бабюшка, не съ ума ли спяшилъ, али хмѣль вчерашній еще у ты не прошелъ ? Какіи были вчера похороны ? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, ворошился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ опблаговѣсшили. »

— « Ой ли ! » сказалъ обрадованный гробовщикъ.

« Вѣспримо шакъ, » ошвѣчала рабшница.

— « Ну, коли шакъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей. »

**СТАНЦИОННЫЙ
СМОТРИТЕЛЬ.**

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЪ.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ
смошрищелей, кто съ ними не бра-
нивался? Кто, въ минушу гнѣва, не
требовалъ отъ нихъ роковой книги,
дабы вписать въ оную свою беспо-
лезную жалобу на прищъскеніе, гру-
бость и неисправность? Кто не по-
чищалъ ихъ извергами человѣческаго
рода, равными покойнымъ подъячимъ

*

или, по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можемъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ только отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называется его шушлюво Князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покой ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ящикъ упрямый, лошади не везутъ — а виноваты смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на

него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавишься отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей? . . . Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чшобъ только на минушку отдохнуть отъ крика и шолчковъ раздраженнаго посшояльца. Прѣзжаетъ Генералъ; дрожащій смошришель опдаешъ ему двѣ послѣднія пройки, въ шомъ числѣ курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Чрезъ пять минутъ — колокольчикъ! . . . и фельдъегерь бросаетъ ему на сполъ свою подорожную! . . . Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнишся искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣ-

сколько словъ: въ печеніи двадцати лѣтъ сряду, изъѣздила я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣсны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смоприселя не знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣла я дѣла; любопытный запасъ пушечныхъ моихъ наблюденій надѣюсь издашь въ непродолжительномъ времени; покаместъ скажу только, что сословіе станціонныхъ смоприселей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сии сподъ оклеветанные смоприсели вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (кои нехотятъ пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много лю-

большаго и поучительнаго. Чшо касаешся до меня, шо, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что ешь у меня пріятели изъ почтеннаго сословія смоприселей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоценна. Общояшельсшва нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-шо намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными чиншателями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ, и плашилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего смоприсели со мною не церемонились, и часто биралъ я съ бою шо, что, во мнѣніи

моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспѣльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смошрищеля, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ пройку подъ коляску чиновнаго барина. Смоль же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чпобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернапорскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *чинъ чина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *улиъ ума почитай*? Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣснѣ.

День былъ жаркій. Въ прехъ верспахъ отъ станціи *** спало накрапывать, и черезъ минушу проливной

дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По прїѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, впрочемъ спросилъ себя чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ смотритель, «пославъ самоваръ, да сходи за сливками.» При сихъ словахъ вышла изъ за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Эпо швоя дочка?» спросилъ я смотрителя.—«Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія; «да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать.» Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой, почтенный сѣрикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ опускаетъ безпокойнаго

юношу, который поспѣшно принимаешь его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодого человѣка : онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промочившійся юноша, въ рубищѣ и въ преугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляется съ ними прачезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу ; добрый шарикъ въ томъ же колпакѣ и шафрокѣ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу : блудный сынъ спойшетъ на козлахъ ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упишаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочесть я приличные Нѣмецкіе стихи.

Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзамомъ и кровашь съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самаго хозяина, человека лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и добраго: на немъ былъ длинный зеленый сершукъ съ премою медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я раслашиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со вшораго взгляда замѣшила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она пошупила большіе голубые глаза; я спалъ съ нею разговаривать, она ошвѣчала мнѣ безъ всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ опощу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подаль я чашку чаю, и мы вшроемъ начали

бесѣдовашь, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно гошovy, а мнѣ все не хотѣлось распаться съ смопришелемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними простился; ошець пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телеги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцаловать; Дуня согласилась.... Много могу я нащипать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на путь самый прачшъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь спараго смопришеля и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумавъ я, спарый смопришель, мо-

жешъ бышь, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади спали у почповаго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать сполли на прежнихъ мѣстахъ; но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало вѣхость и небреженіе. Смотришель спалъ подъ шулупомъ; мой прїѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ. . . . Это былъ точно Симеонъ Выринъ; но какъ онъ поспарѣлъ! Покаместъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небришаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ на-

дивишься, какъ при или чешыре года могли превратити бодраго мушину въ хилаго спарика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ шобою спарые знакомые.»—«Можетъ спашься,» опвѣчалъ онъ угрюмо; «здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.» — «Здорова ли швоя Дуня?» продолжалъ я. Спарикъ нахмурился. «А Богъ ее знаешъ,» опвѣчалъ онъ. — «Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Спарикъ пришворился, будто бы не слыжалъ моего вопроса, и продолжалъ пощептомъ чишати мою подорожную. Я прекрашилъ свои вопросы и велѣлъ посшавити чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоити, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшити языкъ моего спараго знакомца.

Я не ошибся: спарикъ не опказался опъ предлагаемаго спакана. Я

замѣшилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На вѣпоромъ спаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него новѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не знаетъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка то была! Бывало, кто ни пройдетъ, всякой похвалитъ, никто не осудишь. Барыни дарили ее, то плащомъ, то сережками. Господа проезжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдаютъ, аль опужинашь, а въ самомъ дѣлѣ, только, чтобъ на нее подолѣе поглядѣшь. Бывало баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милосливо со мною разговариваетъ. Повѣришь ли, сударь: курьеры, фельдъ-егеря съ

нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибрашь, что пригошовишь, за всѣмъ успѣвала. А я то, старый дуракъ, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; ужь я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелеялъ моего дитяши; ужь ей ли не было жишье? Да вѣсть, ошъ бѣды не опбожишься; что суждено, тому не миновашь.» Тутъ онъ спалъ подробно рассказывашъ мнѣ свое горе. — Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смопрителъ разлинеывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ новое платье, тройка подѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окушанный шалью, вошелъ въ комнату, шребуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семъ извѣстїи, пушешешвенникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Ду-

ня, привыкшая къ шаковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ : не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ ; онъ согласился ждашь лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, космашую шапку, оплывавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ, стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинашь. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чшобъ пошчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго ; но возвращясь, нашелъ онъ молодаго чедовѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ : ему сдѣла-

★★

лось дурно, голова разболѣлась, не возможно было ѣхать... Какъ бышь! смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день упряжь послать въ С*** за лѣкаремъ.

На другой день гусару спало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову плашкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и съла съ своимъ шипьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ея заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности сла-

бою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣкаръ. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, что ему нужно одно покойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкаръ согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разошлись очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсемъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и шакъ полюбился доброму смотрителю, что на шрешье утро жаль было ему

разсшашься съ любезнымъ своимъ постоляльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ просшился съ смопришелемъ, щедро наградивъ его за посшой и угощеніе; просшился и съ Дунею и вызвался довезти ее до церкви, кошорая находилась на краю деревни. Дуня спояла въ недоумѣніи. . . . «Чего же ты боишься?» сказалъ ей отецъ; «вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и шебя не съѣстъ; прокапись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ и лошади поскакали.

Бѣдный смопришель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса,

какъ сердце его начало нышь, нышь, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ, и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже разошелся, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперши. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ олшаря; дьячекъ гасилъ свѣчи, двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный опець на силу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ опсвѣчалъ, что не бывала. Смошришелъ пошелъ домой ни живъ, ни мершвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня по въпреносши молодыхъ лѣтъ вздумала, можетъ бышь, прокашиться до слѣдующей спанціи, гдѣ жила ея крестная машъ. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ

возвращенія шройки, на кошорой онъ оппустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру приѣхалъ онъ одинъ и хмѣлень, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Спарикъ не снесъ своего несчастія; онъ шущъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смощришель, соображая всѣ обстоятельствова, догадывался, что болѣзнь была припворная. Бѣдникъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лѣкаръ, кошорый прѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смощришеля, что молодой человекъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣ-

реніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало шѣмъ не ушѣшилъ бѣднаго больнаго. Едва оправясь опть болѣзни, смопринпель выпросилъ у С*** почтмейстера оппускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ опправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Роммиспръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, копорый везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хопя, казалось, ѣхала по своей охощѣ. «Авось,» думалъ смопринпель, «приведу я домой заблудшую овечку мою.» Съ эшой мыслию прибылъ онъ въ Петербургъ, опстановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ опсшавнаго уншеръ-офицера, своего

спараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ромиспръ Минскій въ Пешербургѣ и живешъ въ Демуповомъ практирѣ. Смощришель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложить Его Высокоблагородію, что старый солдатъ просилъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, числя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смощришель ушелъ, и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатъ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надо-бно?» спросилъ онъ его. Сердце спарика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше Высокоблагородіе! . . . сдѣлайте такую Бо-

жескую милость! . . . » Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. « Ваше Высокоблагородіе! » продолжалъ шарикъ, « что съ возу упало, то пропало; ошдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы напѣшились ею; не погубите жъ ее по напрасну. » — « Что сдѣлано, того не ворошишь, » сказалъ молодой человекъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; « виноватъ передъ тобою, и радъ просишь у тебя прощенія; но не думай, что-бъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ щаслива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любишь; она опвыкла опъ прежняго своего сосшоянія. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось. » Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ опворилъ

дверь, и смотришель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго споялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за общлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пяпи и десятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, прищопшалъ каблукомъ, и пошелъ... Опощедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и ворошился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣшый молодой человекъ, увидя его, подбѣжалъ къ извоцику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смотришель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой на свою спанцію, но прежде хотѣлъ хошь разъ еще увидѣшь бѣдную

свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воропился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вышѣснилъ его изъ передней; и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смопришелъ посшоялъ, посшоялъ — да и пошелъ.

Въ эшоптѣ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Липейной, опслуживъ молебень у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смопришелъ узналъ Минскаго. Дрожки осшановились передъ прех-эптажнымъ домомъ у самага подѣзда, и гусарь вбѣжалъ на крыльце. Щаспливая мысль мелькнула въ головѣ смопришеля. Онъ воропился, и поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, брашъ, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?» — «Точно такъ,» опвчалъ кучерь, «а чшо тебѣ?» —

« Да вошь чшо : баринъ швой прика- залъ мнѣ опнести къ его Дунѣ за- писочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня-шо его живешъ. » — « Да вошь здѣсь, во вшоромъ эшажѣ. Опоздалъ пы, брашъ, съ швоей запиской ; шеперь ужъ онъ самъ у нее. » — « Нужды нѣшъ, » воз- разилъ смопришелъ съ неизъясни- мымъ движеніемъ сердца, « спасибо, чшо надоумилъ, а я свое дѣло сдѣ- лаю. » И съ эшимъ словомъ пошелъ онъ по лѣспницѣ.

Двери были запершы ; онъ позво- нилъ, прошло нѣскольго секундъ въ шягосшномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ, ему опворили. « Здѣсь спо- ишъ Авдошья Самсоновна ? » спросилъ онъ. « Здѣсь, » опвѣчала молодая слу- жанка ; « за чѣмъ шебѣ ея надобно ? » Смопришелъ, не опвѣчая, вошелъ въ залу. « Не лъзя, не лъзя ! » закричала вслѣдъ ему служанка ; « у Авдошьи

Самсоновны гости.» Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ прешей былъ огонь. Онъ подошелъ къ расшворенной двери и останоуился. Въ комнату богатоубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, намашывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ увидя въ дверяхъ

спараго смопришеля, оставилъ Дуно, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. « Чего тебѣ надобно? » сказалъ онъ ему, спсиснувъ зубы; « что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ! » и сильной рукою схвативъ шарика заворотъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Спарикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смопришель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился опступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Пейпербурга обратно на свою станцію, и опять принялся за свою должность. « Вотъ уже шретій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ объ ней нѣтъ ни слуху ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаешь. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сма-

нилъ проѣзжій повѣса, а шамъ по-держалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Пешербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ апласѣ да бархатѣ, а завшра, поглядишь, мешупъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, чпо и Дуня, можешь бышь, шупъ же пропадаешь, шакъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы. . . .»

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, спараго смопришеля, разсказъ неоднократно прерываемый слезами, копорья живописно опиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терешъичъ въ прекрасной балладѣ Дми-пріева. Слезы сіи опчаспи возбуждаемы были пуншемъ, коего выпл-нулъ онъ пашъ спакановъ въ про-долженіи своего повѣспвовавія; но какъ бы шо ни было, онъ сильно шронули мое сердце. Съ нимъ раз-

спавшись, долго не могъ я забыть спараго смопришеля, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ...

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «Живъ ли шарый смопришель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтыя листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная

Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои опивчала, что старый смопришпель съ годъ какъ померъ, что въ домъ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. «Ошъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — «Спился, бапюшка,» опивчала она. — «А гдѣ его похоронили?» — «За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.» — «Не лъзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же не лъзя. Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возишья. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смопришпелеву могилу.»

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжий и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и шопчасъ повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— « Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-шо за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» — а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все бывало съ нами возишся.»

« А проѣзжіе вспоминають ли его? »

— « Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдашель завернетъ, да шому не до мершвыхъ. Вошъ лѣпомъ проѣзжала барыня, шакъ ша спрашивала о старомъ смопришелѣ и ходила къ нему на могилу.»

« Какая барыня? » спросилъ я съ любопытствомъ.

— « Прекрасная барыня, » ошвѣчалъ мальчишка; « ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ шремя маленькими барчашами и съ кормилицей, и съ черной моською; и какъ ей сказали, что старый смопришелъ у-

меръ, такъ она заплакала и сказала дѣшамъ : «сидите смирно, а я схожу на кладбище.» А я было вызвался довести ее. А барыня сказала : «Я сама дорогу знаю. И дала мнѣ пятакъ серебромъ — такая добрая барыня! . . .»

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не освѣщенными ни единымъ деревцемъ. Опыроду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

«Вошъ могила сшараго смопришеля,» сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груды песка, въ которую врѣшъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

— «И барыня приходила сюда?» спросилъ я.

«Приходила,» отвѣчалъ Ванька; «я смопрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь, и лежала долго. А шамъ

барыня пошла въ село, и призвала
попа, дала ему денегъ и поѣхала, а
мнѣ дала пяшакъ серебромъ — слав-
ная барыня!»

И я далъ мальчишкѣ пяшачекъ, и
не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о
семи рубляхъ, мною испраченныхъ.

БАРЫШНЯ

КРЕСТЬЯНКА.

БАРЫШНЯ

КРЕСТЬЯНКА.

Во всякъ ты, Душенька, нарядахъ
хороша.

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Пепровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ отсюда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворян-кѣ, которая умерла въ родахъ, въ

то время, какъ онъ находился въ опъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и спалъ почипашъ себя умнѣйшимъ человекомъ во всемъ околоткѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, прѣзжавшіе къ нему госпитъ съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ онъ серпукъ изъ сукна домашней работы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не чишалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хошя и почипали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этошъ былъ настоящий Русской баринъ. Промошавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія

своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на которой спрашивалъ почти всѣ оспальныя доходы. Конюхи его были одѣшны Англійскими жокеями. У дочери его была Мадамъ Англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не ро-
дится,

и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человекомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтѣ: оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сло-

жнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была опличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ Англома-ніи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его кришиковать. Показывалъ ли госпою свои владѣнія, въ опившъ на похвалы его хозяй-ственнымъ распоряженіямъ: «Да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою; «у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по Англійски разоряться! Были бы мы по Русски хоть сышы.» Сии и подо-бныя шушки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объ-ясненіями. Англоманъ выносилъ кри-шику столь же неперпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и

прозвалъ своего Зоица медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берешова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу, но отецъ на то не соглашался. Къ штабской службѣ молодой человекъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сшалъ жить пока мѣсяць бариномъ, опустивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодець. Право было бы жаль, если бы его спройнаго спана никогда не спягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чпобъ рисовался на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канце-

лярскими бумагами. Смотри, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ пушнаго сполоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онъ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулинь Петровна Курочкиной, въ Москву, напротивъ Алексѣевского монастыря, въ домъ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ чинашелей, копорые не жилали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ

щѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпають изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваются чувства и страсти, неизвѣстные разсѣянными нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе, поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя осплавляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шушки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: *особенность характера, самобытность (individualité)*, безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человеческого величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть,

лучшее образованіе; но навѣкъ свѣша скоро сглаживаешь характеръ и дѣлаешь души шоль же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожь *Nota postea*, какъ пишешь одинъ шаринный комменшаторъ.

Легко вообразишь, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвѣсти въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мершвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь Англomана моего, Лиза (или

Бешси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Опцы другъ ко другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки пополько объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лице. Она была единственнаго и слѣдственно балованнаго дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ опчаянье ея мадамъ Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣдилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечищывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Наспя; она была постарше, но столь же вѣтренна, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тай-

ны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои зашѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Аносовѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской трагедіи.

«Позвольте мнѣ сего дня пойши въ госпи,» сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— «Изволь; а куда?»

«Въ Тутилово, къ Бересповымъ. Поварова жена у нихъ именинница, и вчера приходила звать насъ опобѣдашь.»

— «Вошъ!» сказала Лиза, «господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.»

«А намъ какое дѣло до господъ!» возразила Настя; «къ шому же я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Бересповымъ; а шарикн пускай себѣ дерущся, коли имъ это весело.»

— «Поспѣтайся, Настя, увидѣшь Алексѣя Береснова, да раскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человекъ.»

Настя общалась, а Лиза съ неперпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась, «Ну, Лизавета Гавриловна,» сказала она входя въ комнату, «видѣла молодого Береснова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.»

— «Какъ это? Раскажи, раскажи по порядку.»

«Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...»

— «Хорошо, знаю. Ну попомъ.»

«Позвольте-съ, раскажу все по порядку. Вошѣ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хлупинскія...»

— « Ну ! а Бересшовъ ? »

« Погодише-съ. Вошь мы съли за споль, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея. . . . а дочери и надулись, да мнѣ наплевашь на нихъ. . . . »

— « Ахъ, Насня, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями ! »

« Да какъ же вы неперпѣливы ! Ну вошь вышли мы изъ за спола. . . а сидѣли мы часа три и обѣдъ былъ славный ; пирожное блац-манже синее, красное и полосатое. . . . Вошь вышли мы изъ за спола, и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ шущъ и явился. »

— « Ну чшожь ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою ? »

« Удивительно хорошъ, красавецъ, можно сказашь. Спройный, высокій, румянецъ во всю щеку. . . . »

— «Право? А я такъ думала, что у него лице блѣдное. Что же? Какъ онъ шебѣ показался? Печаленъ, задумчивъ?»

«Что вы? Да этакъ бѣшеннаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.»

— «Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно!»

«Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаетъ, и ну целовать!»

— «Воля швоя, Настя, ты врешь.»

«Воля ваша, не вру. Я насилу онъ него ошдѣлалась. Цѣлый день съ нами шакъ и провозился.»

— «Да какъ же, говоряшъ, онъ влюбленъ и ни на кого не сморитъ?»

«Не знаю-съ, а на меня шакъ ужъ слишкомъ сморитъ да и на Таню, прикащикову дочь, поже; да и на Цашу Колбинскую, да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, шакъ баловникъ!»

— « Эшо удивительно! А чшо въ домѣ про него слышно? »

« Баринъ, сказывающъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любилъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ осшенился. »

— « Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! » сказала Лиза со вздохомъ.

« Да чшо же пушь мудренаго? Тугилово ошъ насъ не далеко, всего три версты: подите гулять въ пу спорону, или поѣжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣшите его. Онъ же всякой день, рано поушру, ходилъ съ ружьемъ на охосу. »

« — Да нѣтъ, не хорошо. Онъ можешъ подумашъ, чшо я за нимъ гоняюсь. Къ шому же опцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же не лѣзя будешъ съ нимъ познакомишся. . . . »

Ахъ, Наспя! Знаешь ли что? Наряжусь я крещьянкою!»

«И въ самомъ дѣлѣ; надѣньше толстую рубашку, сарафанъ, да и спущайше смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Бересповъ ужъ васъ не прозѣваетъ.»

— «А поздѣшнему я говоришь умью прекрасно. Ахъ, Наспя, милая Наспя! Какая славная выдумка!» И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непременно исполнишь веселое свое предположеніе. На другой же день присшупила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полошна, синей кишайки и мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Наспи скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвчью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, что нико-

гда еще шакъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и нѣсколько разъ попомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ кошовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчїи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насши. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ колось ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Насня и шупъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму пасуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Насня за ворошами ожидала пасуха. Заигралъ рожокъ и деревенское шпато поплянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя пе-

редъ Насшей, опдалъ ей маленькія, пестрыя лапти и получилъ ошъ нея полшину въ награжденіе. Лиза шихонько нарядилась крестьянкою, шопомъ дала Насшѣ свои наснавленія касательно Миссѣ Жаксонѣ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на восхождѣ и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, утренняя свѣжестъ, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ роцѣ, стоящей на рубежѣ опцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодья

наши проказы, составлелеть и главную ихъ прелесшь. Лиза вошла въ сумракъ роши. Глухой, перекашный шумъ ея привѣшпвовалъ дѣвушку. Веселость ея пришихла. Мало по малу предалась она сладкой мечшательности. Она думала. . . . но можно ли съ точносшю опредѣлитель, о чемъ думаешъ семнадцати-лѣшняя барышня, одна, въ рошѣ, въ пяшомъ часу весенняго утра? И шакъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ споронъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ шо же время раздася голосъ: *tout beau, Sbogar, ici. . .* и молодой охошникъ показался изъ за куспарника. « Не бось, милая, » сказалъ онъ Лизѣ, « собака моя не кусается. » Лиза успѣла уже оправившись отъ испуга, и умѣла потчасъ вос-

пользоваться обстоятельством. «Да нѣтъ, баринъ, сказала она, притворяясь полудиспуганной, полустыдливой, « боюсь : она, вишь, такая злая ; опять кинется. » Алексѣй (чишачель уже узналъ его) между тѣмъ приспально глядѣлъ на молодую крестьянку. « Я провожу тебя, если ты боишься, » сказалъ онъ ей ; « ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя? » — « А кто те мѣшаетъ? » отвѣчала Лиза ; « вольному воля, а дорога мірская. » — « Откуда ты? » — « Изъ Прилучина ; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы. » (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). « А ты, баринъ? Тугиловскій, чшо-ли? » — « Такъ точно, » отвѣчалъ Алексѣй, « я камердинеръ молодого барина. » Алексѣю хотѣлось уравнишь ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. « А лжешь, » сказала она, « не на дуру

напаль. Вижу, что ты самъ баринъ.» —
« Почему-же ты такъ думаешь? » —
« Да по всему. » — « Однакожь? » —
« Да какъ же барина съ слугой не рас-
познашь? И одѣтъ-то не такъ, и ба-
ишь иначе, и собаку по кличешь не по
нашему. » Лиза часъ опъ часу болѣе
правилаь Алексѣю. Привыкнувъ не
церемониться съ хорошенькими посе-
лянками, онъ было хотѣлъ обнять
ее; но Лиза оппрыгнула опъ него и
приняла вдругъ на себя такую стро-
гой и холодной видъ, что хотя это и
разсмѣшило Алексѣя, но удержало его
опъ дальнѣйшихъ покушеній. « Если
вы хотише, чтобы мы были впередъ
пріятелями, » сказала она съ важно-
спію, « то не извольте забывать-
ся. » — « Кто тебя научилъ этой пре-
мудрости? » спросилъ Алексѣй расхо-
хотавшись. « Ужь не Наспенька ли,
моя знакомая, не дѣвушка ли бары-

лни вашей? Вотъ какими пущами распространяется просвѣщеніе!» Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь?» сказала она; «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась. Однако,» продолжала она, «большая съ тобою грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ...» Лиза хотѣла удалиться, Алексѣй удержалъ ее за руку. «Какъ себя зовушь, душа моя.» — «Акулиной,» отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой; «да пусти-жъ, баринъ; мнѣ и домой пора.» — «Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ своему башюшкѣ, къ Василью кузнецу.» — «Что ты?» возразилась живою Лиза, «ради Христа не

приходи. Коли дома узнаюшъ, что я съ бариномъ въ роцѣ болшала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; ошецъ мой, Василій кузнецъ, прибѣлетъ меня до смерти.» — «Да я непременно хочу съ шобою опять видѣться.» — Ну я когданибудь опять сюда приду за грибами.» — «Когда же?» — «Да хотѣ завтра.» — «Милая Акулина, расцаловаль бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли?» «Да, да.» — «И ты не обманешь меня?» — «Не обману.» — «Побожись.» «Ну вошь те свяшая плшница, приду.»

Молодые люди разошались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опророметью побѣжала въ ферму, гдѣ Наспя ожидала ее. Тамъ она переодевалась, разсѣянно отвѣчая на вопросы шерпѣливой наперсницы, и явилась

въ гостиную. Сползъ былъ накрытъ, завтракъ гошовъ, и Миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и зашянушая въ рюмочку, нарѣзывала поненькія шаршинки. Опець похвалилъ ее за раннюю прогулку. «Нѣтъ ничего здоровѣе,» сказалъ онъ, «какъ просыпашься на зарѣ.» Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнушыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вспавали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ общешельства упреннаго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благоприсшюности, что эша шалость не могла имѣть ника-

кого послѣдствіи, совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе беспокоило ее: она совсѣмъ было рѣшилась не сдержашь своей порожественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ея напрасно, могъ иппи ошыскивать въ селѣ дочь Василья кузнеца, наспоющую Акулину, полспую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое ушроопяшъ явиться въ роцу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи, цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядишъ ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣр-

нымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй потчасъ замѣпилъ на ея лицѣ слезы уныніа и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать шому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержавъ даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій; но мысли и чувства, необыкновенныя

въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы ошвратить Акулину ошъ ея намѣренія; увѣрялъ ее въ невинности своихъ желаній, обѣщаль никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной оспрады: видашься съ нею наединѣ, хошя бы черезъ день, хошя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной оспраси, и въ эшу минушу былъ шочно влюбленъ. Лиза слушала его молча. »Дай мнѣ слово,« сказала она наконецъ, »что шы никогда не будешь искашь меня въ деревнѣ или распрашивашь обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искашь другихъ со мною свиданій, кромѣ шѣхъ, кошорья я сама назначу. «Алексѣй поклялся было ей свяшою пятницею, но она съ улыбкой оспановила его.« Мнѣ

не нужно кляпвы,» сказала Лиза, »довольно одного твоего обѣщанія.« По-слѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ пока Лиза сказала ему: пора. Они распались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему милгоспными, но мысль не сдержанъ своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на инстинктивную переписку и на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности спалъ бы и описывалъ свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читательницъ не разделяла бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться прищорными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были щастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная:

Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разсшояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ опцами и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было вшайнѣ подспрекаемо шемной, романической надеждою увидѣшь наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чужь было не переѣнило ихъ взаимныхъ опношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ пѣхъ, какими богаша наша русская осень), Иванъ Цепровичъ Берешовъ выѣхалъ прогуляпьяся верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары при борзыхъ, стремяннаго и нѣсколь-ко дворовыхъ мальчишекъ съ прецошками. Въ шо же самое время Гри-

горій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, вслѣлъ осѣдлашь куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменьъ подбишомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, копоряго мальчишки крикомъ и прещошками выгоняли изъ за кустарника. Если бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно бъ онъ поворошилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Береснова вовсе неожиданно, и вдругъ очутился опъ него въ разстояніи пистолешнаго выспрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Бересновъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется

Господамъ по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяць выско-чилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Бересповъ и спремянной закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, небывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отлич-нымъ наѣзникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага прежде ея незамѣченнаго, вдругъ кинулась въ спороу, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, кошорая, какъ будто опомнясь, пош-часъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Пешровичъ подскакалъ къ нему, ос-

вѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между шѣмъ спреманный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ ушцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Бересповъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ ошказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Бересповъ возвратился домой со славою, заправивъ зайца и ведя своего прошивника раненымъ и почти военнопленнымъ.

Сосѣды, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Береспова дрожекъ, ибо признался, что опъ ушибу не былъ онъ въ состояннн доѣхать до дома верхомъ. Бересповъ проводилъ его до самага крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) прѣхать опобѣдашь попрятельски въ При-

лучино. Такимъ образомъ вражда спаривная и глубоко укоренившаяся, казалось, гошова была прекрашишья опъ пугливости кушой кобылки.

Лиза выбъжала навспрѣчу Григорью Ивановичу.» Чшо это значишь, папа? « сказала она съ удивленіемъ; »опъ чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки? « — » Вошь ужъ не угадаешь, ту dear, « опвъчалъ ей Григорій Ивановичъ, и расказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомнишья, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Бересшовы. » Чшо вы говорите! « сказала она, поблѣдявъ. « Бересшовы, опецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдашь! Нѣшь, папа, какъ вамъ угодно : я ни за что не покажусь. » — « Чшо ты, съ ума сошла? « возразилъ опецъ; » давно ли ты спала такъ заспѣи-

чива, или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романтическая героиня? Полно, не дурачься . . . « — Нѣтъ, папа, ни за что на свѣшъ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Бересшовыми.» Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчьемъ съ нею ничего не возмешь, и пошелъ отдохнуть отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завѣщанномъ посѣщеніи. Что подумаешь Алексѣй, если узнаешь въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него сви-

даніе сшоль неожиданное. . . . Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тошчасъ передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтракомъ Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли намѣрена она спряташьяся ошѣ Берешовыхъ. » Папа, « отвѣчала Лиза, « я приму ихъ, если эшо вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни лвилась, чшобъ я ни сдѣлала, вы бранишь меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія. » — » Опять какія нибудь проказы! « сказалъ смѣясь Григорій Ивановичъ. » Ну хорошо, хорошо; согласенъ, дѣлай что хочешь, черноглазая моя шалунья. « Съ эшимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала пригошовляшьяся.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покадилась около густозеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльце съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Велѣдъ за нимъ сынъ его прѣвхалъ верхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ, и повелъ по дорожкамъ, щипательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о пошернаномъ трудѣ и времени на столъ безполезныя прихоши, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго

англомана; онъ съ нешерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвращаясь въ гостиную, они успѣлись вшроемъ: старикъ вспомнилъ прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играеть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла

старая Миссъ Жаксонъ, набѣленная, зашлянушая, съ пошупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣево пропало впунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять опворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ вспали; опецъ началъ было предспавленіе госшей, но вдругъ оспановидся и поспѣшно закусилъ себѣ губы. . . . Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣшлѣе собственныхъ ея волосъ, взбишы были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille торчали какъ фижмы у Madame de Pompadour; шалія была перешлянуша, какъ буква иксъ, и всѣ бриліаншы ея матери, еще не заложенныя въ Ломбардъ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не

могъ узнатьъ свою Акулину въ эпой смѣшной и блестящей барышнѣ. Опець его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣнить ножку, съ намѣреніемъ выпавденную и обушую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирло его нѣсколько съ оспальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признавъся, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣнилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показашь и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему шакъ забавна, что онъ едва могъ удержашься. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурь-

ма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, кошорая, опшлагая до другаго времени всякія объясненія, пришворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣянаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и шолько пофранцузски. Опець поминушно засмаширивался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Пешровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ опъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ вспали изъ за стола; госпи уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ

волю смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣлилы право тебѣ приспали; не вхожу въ шайны дамскаго туалета, но на швоемъ мѣстѣ я бы спала бѣлилась; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла опца, обѣщалась ему подумашь о его совѣшѣ, и побѣждала умилоспивляшъ раздраженную Миссъ Жаксонъ, кошо-рая насилу согласилась опперешъ ей свою дверь и выслушашъ ея оправданія. Лизѣ было совѣсно показашъся передъ незнакомцамишаконъ чернавкою; она не смѣла просишъ. . . . она была увѣрена, что добрая, милая Миссъ Жаксонъ просишъ ей. . . . и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удосшовѣрясь, что Лиза не думала поднашъ ее на смѣхъ, успокоилась, по-

цаловала Лизу, и въ залогъ примиренія подарила ей баночку Англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Чишпашель догадается, что на другой день упрямъ Лиза не замедлила явиться въ роцѣ свиданій. « Ты былъ, баринъ, вѣчоръ у нашихъ господъ? » сказала она потчасъ Алексю; « какова показалась тебѣ барышня? » Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣшилъ. « Жаль, » возразила Лиза — « А почему же? » спросилъ Алексѣй. — « А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говоряшь. . . . » — « Что же говоряшь? » — « Правда ли, говоряшь, будто бы я на барышню похожа? » — « Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ. » — « Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говоряшь; барышня

наша такая бѣленькая, такая щего-
лиха! Куда мнѣ съ нею равняться!»
Алексѣй божился ей, что она лучше
всевозможныхъ бѣленькихъ барышень,
и чшобъ успокоить ее совсѣмъ, на-
чалъ описывать ея госпожу такими
смѣшными чертами, что Лиза хо-
хотала ось души. «Однакожь,» ска-
зала она со вздохомъ, «хоть барышня,
можешь, и смѣшна, все же я передъ
нею дура безграмотная.» — «И!»
сказалъ Алексѣй, «есть о чемъ со-
крушаться! Да коли хочешь, я пош-
часъ выучу тебя грамотѣ.» — «А
взаправду,» сказала Лиза, «не по-
пытаешься ли и въ самомъ дѣлѣ?» —
«Изволь, милая; начнемъ хоть сей-
часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ
изъ кармана карандашъ и записную
книжку, и Акулина выучилась азбу-
кѣ удивительно скоро. Алексѣй не
могъ надиваться ея понимливости.

На слѣдующее утро, она захопѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минушъ, она и вырисовывала буквы спала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкаштерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на прѣшнемъ урокъ Акулина разбирала уже по складамъ Наталью Боярскую дочь, прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй испинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ спараго дуба Наспя вшайнѣ исправляла должность почтальона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ напи-

санныя письма, и шамъ же находилъ на синей проспой бумагъ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣнно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Бересповымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе и болѣе укрѣплялось и вскорѣ превращилось въ дружбу, вошъ по какимъ общошественствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о шомъ, что по смерти Ивана Петровича, все его имѣнiе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; что въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ шой губернiи, и что нѣшъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Бересповъ, съ своей стороны, хотя и

признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, на примѣръ: рѣдкой оборопливости; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ Графу Пронскому, человѣку знашному и сильному; Графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (шакъ думалъ Иванъ Перовичъ) вѣроятно обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Сшарики до шѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать, и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предшояло зашрудненіе: уговоришь свою Бещи по-

знакомишься короче съ Алексѣемъ, кошораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякой разъ, какъ Иванъ Пепровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня всякой день, то Бешси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ.

Иванъ Пепровичъ менѣе беспокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ шопъ же вечеръ призывалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку, и немного помолчавъ, сказалъ: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундиръ уже тебя не прель-

щаешь!» — «Нѣтъ, бабюшка,» отвѣчалъ почтительно Алексѣй, «я вижу, что вамъ не угодно, чшобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться.» — «Хорошо,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, «вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволишь; не понуждаю тебя вступитъ... потчасъ... въ спашскую службу; а покажеться намъ ренъ я тебя женишь.»

«На комъ это, бабюшка?» спросилъ изумленный Алексѣй.

— «На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ; «невѣста хоть куда; не правда ли?»

«Бабюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.»

— «Ты не думаешь, шакъ я за тебя думалъ и передумалъ.»

« Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ
вовсе не нравишся. »

— « Послѣ понравишся. Спершишся,
слюбишся. »

« Я не чувствую себя способнымъ
сдѣлать ея щасіе. »

— « Не твое горе, ея щасіе. Что?
такъ-то ты почишаешь волю роди-
тельскую? Добро! »

« Какъ вамъ угодно, я не хочу же-
нишся и не женюсь. »

— « Ты женишся, или я тебя
проклянну, а имѣніе, какъ Богъ
святъ! продамъ и промошаю, и те-
бѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ
три дня на размышленіе, а пока-
мѣшъ не смѣй на глаза мнѣ пока-
зашся. »

Алексѣй зналъ, что если опецъ
заберешъ что себѣ въ голову, то
ужъ того, по выраженію Тараса Ско-
пинина, у него и гвоздемъ не вы-

шибешь; но Алексѣй былъ въ башюшку, и его споль же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и спалъ размышляя о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о шорженномъ общаніи отца съ властью его нищимъ, и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее спрасно влюбленъ; романтическая мысль, женившись на крестьянкѣ и живъ своими трудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чепкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ поги-

бели, и шущъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ опнешъ онъ письмо на почшу, въ дуцло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, швердый въ своемъ намѣреніи, рано ушромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы опкровенно съ нимъ объяснишься. Онъ надѣялся подспрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спросилъ онъ, ошпанавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. «Никакъ нѣшъ,» ошвѣчалъ слуга; «Григорій Ивановичъ съ ушра изволилъ выѣхашъ.» — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по крайней мѣрѣ, Лизавеша Григорьевна?» — «Дома-съ.» И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, опдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

« Все будетъ рѣшено, » думалъ онъ, подходя къ гостинной; « объяснюсь съ нею самою. » Онъ вошелъ. . . . и ошолбенѣлъ! Лиза. . . . нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ, ушреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была имъ занята, что не слыжала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. « Акулина, Акулина! . . . » Лиза старалась отъ него освободиться. . . . « Mais laissez - moi donc, Monsieur; mais êtes - vous fou ? » повторяла она, отворачиваясь. « Акулина! другъ мой, Акулина! » повторялъ онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту мину-

шу дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

«Ага!» сказалъ Муромскій, «да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено. . . .»

Чишпатели избавишь меня ошъ лишней обязанности описываишь развязку.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
I. Выспрѣль.....	1.
II. Мешель.....	37.
III. Грбовщикъ.....	73.
IV. Спаціонный смотритель.....	97.
V. Барышня-кресьянка.....	133.

ПОГРѢШНОСТИ.

<i>Странъ. Напечатано :</i>	<i>Читай :</i>
30. <i>послѣ</i> : пошла пѣш- комъ домой.	<i>пропущено</i> : я поѣхалъ впередъ.
56. миленькой улапъ	маленькій улапъ.
68. если бы... » — « Мол- чше, <i>Тутъ же</i> : Вы шер- заете меня. » — « Да, я знаю,	если бы... молчите, Вы шерзаете меня. Да я знаю.
107. свѣжаго и добраго :	свѣжаго и бодраго
109. Симеонъ	Самсонъ
144. въ селѣ Апасовѣ	въ селѣ Прилучинѣ
145. Гавриловна,	Григорьевна.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ три эк-
земпляра. С. Петербургъ, Сентября 1 дня,
1831 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ

Никита Бутырскій.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
СМИРДИНА.

Цѣна 5 руб. съ пересылкою 6 руб.